

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Маринина, Александра.
М26   **За все надо платить / Александра Маринина. —**
Москва : Эксмо, 2019. — 448 с. — (А. Маринина.
Меньше, чем спец. цена).

ISBN 978-5-699-82156-3

У Анастасии Каменской серьезные неприятности: ее отстраняют от работы, идет служебное расследование обстоятельств ее сотрудничества с криминальным авторитетом Денисовым. Можно, конечно, объяснить, что они вместе разыскивают убийц женщины и ее ребенка, но это значит сорвать всю операцию. Ведь речь идет о выявлении целой преступной организации, на чьем счету ряд странных смертей научных и творческих работников. Каменская вычисляет, что источник ее неприятностей — таинственная контора, люди которой внедрены во все силовые структуры. Следовательно, Анастасии — слабой, беззащитной женщине — надо переиграть эту контору. Что ж, задача сформулирована, а для аналитика это главное...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алексеева М.А., 2015
© Оформление.
ISBN 978-5-699-82156-3   ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ГЛАВА 1

Ручка легко бежала по листу бумаги, испещренному формулами и крошечными, нарисованными без линейки графиками и диаграммами. Герман Мискарьянц работал уже девять часов без перерыва, но усталости не чувствовал. Мысль текла ровно, может быть, излишне торопливо, и он, чтобы поспеть за ней, писал с сокращениями, заменяя отдельные слова стенографическими символами, которые сам же и придумывал на ходу. На тумбочке возле кровати стояли тарелки с давно остывшей едой — обедом, который ровно в два часа приносила медсестра Олечка. Теперь она придет только в семь, эти тарелки заберет, новые, с ужином, оставит и слова не скажет, не посетует на то, что Мискарьянц целый день ничего не ел. Разговаривать с пациентами, когда они работают, строго запрещалось. Вернее, запрещалось отвлекать пациентов от работы. А уж если они сами захотят перекинуться несколькими словами с персоналом, тогда — пожалуйста. Но только если сами. В противном случае — ни-ни. Работа для людей, находящихся в отделении, — это святое. Это самое главное. Для этого они и лежат здесь.

В последние дни Герман Мискарьянц стал чувствовать себя немного хуже, появилась неприятная слабость в ногах, кружилась голова при ходьбе, но зато работалось ему на удивление хорошо. Его лечащий врач Александр Иннокентьевич оказался прав: здесь, в отделении, созданы все условия для плодотворной работы, а все, что ей мешает, осталось за толстой сталь-

ной дверью. Дома. На работе. На улице. Одним словом — ТАМ. А здесь — тишина, покой, вкусная калорийная пища, глубокий сон, витамины. Единственное, чего, может быть, не хватало Мискарьянцу, это прогулок. Но Александр Иннокентьевич объяснил ему, что главное для работы — это возможность сосредоточиться, отсутствие отвлекающих моментов. Поэтому и живут пациенты в отдельных одноместных палатах, чтобы не мешать друг другу. Поэтому и гулять не ходят. Люди же все разные, один помолчать любит, а другой, наоборот, разговорчив не в меру, суетлив, вот и будет допекать своим назойливым вниманием и общением тех, кто гуляет по парку одновременно с ним. Мискарьянец тогда согласился с врачом и вполне удовлетворялся тем, что дышал свежим воздухом, распахнув настежь окна.

Вероятно, все-таки он чем-то болен, поэтому и работа не ладилась в последние месяцы. Не случайно он стал чувствовать себя хуже. Но это сейчас неважно, сейчас главное — закончить наконец программу, принципиально новую программу защиты компьютерной информации, которую так ждут в десятках банков. Компьютерный центр, в котором работал Мискарьянец, уже получил сотни заказов под этот программный продукт, прибыль ожидается огромная, а у Германа работа застопорилась. Застряла на одном месте — и все. Ни в какую. Как говорится, ни тпру ни ну. Начальство подгоняет, заказчики обрывают телефон, мол, мы вам сделали предоплату, а где обещанная программа? Герман начал нервничать, но от этого работа быстрее не стала двигаться, даже наоборот. Будто ступор какой-то нашел на него. Вот тогда ему и посоветовали обратиться к Александру Иннокентьевичу Бороданкову, заведующему отделением в одной из московских клиник. Как оказалось, не зря посоветовали.

Герман хорошо помнил свой первый визит к Бороданкову. Александр Иннокентьевич оказался приятным, чуть полноватым человеком в очках с толстыми

ми стеклами и с крупными, хорошей формы, холеными руками.

— Наверное, я зря вас побеспокоил, — смущенно начал Мискарьянц, — у меня ничего не болит, жалоб нет никаких, просто...

— Просто вы чувствуете, что с вами что-то не так? — пришел ему на помощь врач.

— Да-да, — обрадованно подхватил Герман. — Понимаете, я стал хуже работать. Если совсем честно говорить, то я стал плохо работать. Если бы я был писателем или, к примеру, композитором, я бы сказал, что у меня наступил творческий кризис. Но я математик, программист, у меня не может быть кризисов, а вот...

Он как-то по-детски развел руками, словно ребенок, разбивший чашку и не понимающий, как это она могла упасть, если только что стояла на самой середине стола.

— Вы не правы, Герман, — ласково сказал Бороданков. — Творчество — это совсем не обязательно искусство. Любое создание нового — творчество. А вы устали. Да-да, голубчик, я это отчетливо вижу. Вы просто очень устали, вы истощили себя непомерной нагрузкой, слишком интенсивной работой и невниманием к своему здоровью. И вот результат.

— Значит, вы полагаете, что я чем-то болен? — испугался Герман.

— Я этого не утверждаю, но и не исключаю. Давайте вернемся к вашим проблемам. Что вас беспокоит больше всего? Самочувствие? Или что-то другое?

— Меня беспокоит работа, которую я никак не могу закончить. А я должен сделать это в кратчайшие сроки. И я подумал, что, может быть, мне мешает какая-то болезнь...

— Хорошо, я понял. У нас с вами два пути. Первый: вы ложитесь на обследование, и врачи выясняют, что же это за хворь вас гложет. Мы этим не занимаемся, у нас другой профиль, но я с удовольствием порекомендую вас в клинику мединститута, там прекрасные специалисты по диагностике и самая совре-

менная аппаратура. По моей протекции вас туда положат, у меня в этой клинике множество знакомых. Обследование займет не меньше двух месяцев...

— Нет-нет, — испуганно замахал руками Герман. — Об этом и речи быть не может. Вы что! Я должен закончить программу самое большое за две недели.

— И есть второй путь. Я кладу вас к себе. Лечить вас я не буду, в том смысле, какой вы привыкли вкладывать в слово «лечить». Я создам вам условия для нормальной работы и назначу курс общеукрепляющей терапии. В основном витамины. Ну и легкое успокоительное на ночь, чтобы мозг отдыхал. Правильно составленная диета. Полный покой. Вам, наверное, сказали, что мои научные исследования лежат в области психотерапии, и вы теперь ожидаете, что я, подобно некоторым известным специалистам, посажу вас перед собой и начну внушать вам, что вы гениальный математик, что вам ничто не мешает закончить работу и вообще вы ее уже закончили, так что и волноваться не о чем. Верно?

Бороданков легко и весело рассмеялся, подняв руки и пошевелив в воздухе крупными длинными пальцами.

— Так вот, голубчик, это не так. Я буду заходить к вам один раз в день, вечером, и справляться о вашем самочувствии. Этим наше общение и будет ограничено. У меня есть собственная теория, я назвал ее «медицина интеллектуального труда». Поэтому у меня в отделении лежат люди, которые хотят лечиться не от болезни, а от проблем, возникающих в области интеллектуальной деятельности.

— Значит, я не один такой?

— Ну что вы, голубчик. У меня в отделении тридцать палат, и все они постоянно заняты.

При мысли о том, что «проблемы в области интеллектуальной деятельности» возникли не только у него, Герману стало почему-то легче. Значит, ничего особенного с ним не происходит.

— А кто у вас лежит? — с детским любопытством спросил он.

— Скажите, голубчик, вы хотели бы, чтобы у вас на работе узнали, что вы выработались и вам пришлось лечиться, чтобы написать вашу программу? Ответ очевиден, можете ничего не говорить. А известный композитор? Художник? Разве захочет он, чтобы почитатели его таланта узнали, что написать прекрасную песню или замечательный портрет ему помогли врачи? Вот то-то же. Анонимность — один из принципов лечения в моем отделении. Никто не узнает, что вы у меня лежали. Но и вы никогда не узнаете, кто еще, кроме вас, здесь находится. Ну так как, устраивает вас мое предложение или вы хотите лечь на обследование?

— Устраивает. Только... — Герман замялся. — Сколько это будет стоить?

— Это зависит от того, сколько времени вам понадобится, чтобы написать программу. Один день пребывания здесь стоит от восьмидесяти до ста долларов, в зависимости от назначаемой диеты и витаминного комплекса.

Герман прикинул, какую сумму он может позволить себе потратить на лечение. Выходило впритык, но все-таки выходило.

— Когда вы сможете меня положить? К вам, наверное, очередь?

— Очередь, конечно, существует, — лукаво улыбнулся Бороданков, — но ведь насчет вас мне звонила Наталья Николаевна, а для людей, за которых она просит, у меня очереди нет. Если хотите, могу положить вас прямо сегодня. Поезжайте домой, возьмите все, что вам необходимо для работы, и возвращайтесь. Я буду здесь до половины седьмого.

— Но если я буду здесь работать, мне понадобится компьютер.

— Пожалуйста, привозите, поставим его в палате. Никаких проблем.

— А жена может меня навещать? У вас разрешается?

— Конечно, пусть приходит. Но у меня, в соответствии с моей методикой, такое правило: первые

несколько дней пациент входит в тот режим, который я ему рекомендую, а потом уже решает, вписываются ли визиты родственников и друзей в этот режим. Видите ли, мой метод основан на том, что человек должен полностью погрузиться в то дело, которым он занимается, и ничто не должно его отвлекать. Любой отвлекающий момент, даже несущий положительный заряд, может помешать продуктивному творчеству. Поэтому вы сами посмотрите, как пойдет дело, и потом решите, хотите ли вы, чтобы вас навещали.

Через три дня Герман понял, что ничьи визиты ему не нужны. Работа пошла так успешно и легко, что отрываться от нее хотя бы на минуту казалось ему кошунственным. Он сначала попытался закончить ту работу, над которой трудился уже два месяца, но вдруг понял, что все это ерунда, что делать нужно совсем не так, и начал все заново. Теперь, по прошествии десяти дней пребывания в отделении у доктора Бороданкова, новый вариант программы близился к завершению, и Герман испытывал необычайный творческий подъем, который с каждым днем делался все более мощным. На его фоне усиливающееся недомогание казалось ерундой, не стоящей внимания.

* * *

Александр Иннокентьевич Бороданков обернулся на скрип открывающейся двери и увидел Ольгу. Она была уже без халата, ее смена закончилась, и она стояла на пороге его кабинета в красивом темно-зеленом костюме с короткой юбкой и длинным пиджаком. С гладко зачесанными назад темными волосами и большими очками с голубоватыми стеклами она напоминала сейчас не медсестру, а деловитую секретаршу большого начальника.

— Саша, Мискарьянц опять ничего не ел, — сказала она озабоченно и почему-то грустно. — Похоже, дело идет к концу.

— Второй день?

— Да. Работает как бешеный, а тарелки все не тронутые. Неужели ничего нельзя сделать?

— Глупый вопрос, детка. Раз он не испытывает чувства голода, значит, начались необратимые изменения. Но он хотя бы продержался дольше других, сегодня десять дней, как он у нас, а другие едва неделю выдерживали. Может, нам все-таки удалось нащупать методику, как тебе кажется?

— Вряд ли, — вздохнула Ольга. — Просто Герман оказался здоровее других. Саша, так больше нельзя, ты сам видишь, ничего у нас не выходит. Без архива Лебедева мы с места не сдвинемся. Давай наконец признаем это.

— Нет.

Ответ Бороданкова был тверд, как и его кулак, которым он стукнул в этот момент по колену.

— Нет, я не отступлюсь. Если Лебедев смог придумать, то и я смогу. Мискарьянец, конечно, не старая развалина, но у него наверняка наличествуют все болячки, которые и должны быть у тридцатилетнего мужика. Он не может быть абсолютно здоров. Гастрит, бронхит курильщика, немножко сердечко. Ты видела, какие у него мышцы ног? Играл в футбол или в хоккей, к гадалке не ходи. А коль играл, значит, падал, значит, незалеченные сотрясения мозга, пусть и легкие, но были обязательно. Он не может быть здоровее того художника, Вихарева. А Вихарев продержался всего четыре дня. У него всего и было-то немного повышенное давление, а пожалуйста тебе — инсульт. Я уверен, что мы на правильном пути, нужно продолжать работать с модификациями лакреола. Еще немного — и мы сделаем это.

— Не знаю, Саша.

Ольга бросила сумочку на кресло и подошла к Бороданкову. Александр Иннокентьевич обнял ее и усадил к себе на колени.

— Ну что ты, Олюшка? Руки опускаются? Так всегда бывает, это нужно перетерпеть. Зато представь только, что нас ждет, когда мы разработаем методику. Считай, докторская у тебя в кармане. Слава, почет,

деньги. Ты сама подумай, ты же целый год работаешь медсестрой со своей кандидатской степенью. Ну неужели тебе не обидно приносить такую жертву впустую?

— Не знаю, Саша, — повторила она, обнимая его за шею и утыкаясь подбородком в густые светлые волосы мужа. — Мне почему-то кажется, что ничего у нас не выйдет, они так и будут умирать, и мы с тобой ничего не сможем с этим поделать. Иногда я ловлю себя на том, что перестаю понимать, что ты делаешь. Наверное, у меня просто не хватает мозгов на эту работу. Даже если у тебя получится, докторскую я все равно не напишу.

— У нас получится, — мягко поправил ее Бороданков. — Не у меня, а у нас с тобой. У всех нас. Ты способная, Олюшка, ты талантливая, ты обязательно защитишься. Мы запатентуем изобретение и уедем отсюда к чертовой матери, откроем собственную клинику, станем богатыми и уважаемыми людьми. Вот увидишь, все будет отлично. Сейчас я обойду палаты, и мы с тобой поедем домой. Давай сегодня сходим куда-нибудь поужинать. Ты такая красивая в этом костюме, жалко, если ты его снимешь и начнешь возиться у плиты. Давай?

— Давай, — кивнула Ольга, вставая и поправляя юбку. — Иди, Саша, я тебя здесь подожду.

Бороданков снял с вешалки ослепительно белый халат, аккуратно застегнул его на все пуговицы и отправился с вечерним обходом. Идя по светлому длинному коридору отделения, он думал о том, что Ольга, конечно же, права, без разработок Лебедева они с места не сдвинутся. Это он перед женой корчит из себя гения, утверждая, что если Лебедев смог придумать, то и он, Бороданков, сможет. На самом деле Александр Иннокентьевич прекрасно отдавал себе отчет в том, что с Лебедевым ему не равняться. Он всегда мог то, чего не могли другие. Это Бороданков понимал еще тогда, когда был аспирантом Лебедева. И почему он так не вовремя умер! И черт дернул старого дурака незадолго до смерти жениться на моло-

денькой женщине! Был бы женат на своей старухе, никуда б она из России не делась и проблем бы не было. Отдала бы все бумажки до единой, даже не взглянув в них. А Вероника тут же нашла себе спонсора и свалила за границу вместе со всеми архивами мужа. Ищи ее теперь.

К Мискарьянцу Александр Иннокентьевич зашел в последнюю очередь. Герман сидел за компьютером, погруженный в работу.

— Добрый вечер, голубчик. Я вижу, работа идет полным ходом, — весело приветствовал его врач.

— Да, все получается. Просто удивительно, как хорошо мне работается здесь! Кажется, всю жизнь здесь провел бы, — засмеялся в ответ программист.

— И как скоро вы закончите?

— Думаю, послезавтра. А может быть, даже завтра. Скажите, Александр Иннокентьевич, я смогу уйти домой сразу же, как только закончу программу?

— В ту же минуту, — заверил его Бороданков. — Вот видите, домой все-таки хочется, а ведь только что говорили, что провели бы здесь всю жизнь. Хорошо, с работой, я вижу, полный порядок. А самочувствие? Что-нибудь беспокоит?

— Так, — Герман пожал плечами, — слабость какая-то, но это ерунда, я вас уверяю. Это оттого, что я все время сижу, не хожу совсем, не двигаюсь. Вернусь домой и сразу восстановлюсь, дело двух-трех дней.

От врача не укрылось, что лоб Германа был покрыт испариной, волосы прилипли ко лбу, хотя в комнате благодаря открытому окну было довольно прохладно. Вокруг губ залегли синюшные тени. Он прав, подумал Бороданков, дело двух-трех дней. А то и меньше.

— Как давно вы чувствуете слабость?

— Дня четыре, наверное. Может быть, пять.

Герман пожал плечами и радостно засмеялся.

— Я так много работаю, что все дни слились в один. Если вы мне скажете, что я у вас уже целый месяц, я вам поверю.

— Так не годится, голубчик, — укоризненно покачал головой Александр Иннокентьевич. — Даже

самая продуктивная работа требует перерывов. Отвлекаться, конечно, нельзя, это моя методика запрещает, а вот спать нужно обязательно. Не забывайте, во сне мозг продолжает работать, и, между прочим, намного лучше, чем когда вы бодрствуете. Вы целый день заставляете его действовать в определенном направлении, которое вам самому кажется правильным. Вы загружаете свой биологический компьютер информацией, а потом начинаете указывать ему, как он должен эту информацию перерабатывать. Но в ваших указаниях зачастую отсутствует логика, в них масса вкусовщины, начиная с того, что вам лично глубоко неприятен какой-то ученый или специалист и поэтому вы, сами того не замечая, избегаете подходов, которые этот специалист предлагает, и кончая тем, что вы раздражены и вам нездоровится, оттого что вы съели на обед что-то не то. А когда вы спите, все подобные глупости спят вместе с вами, а мозг, нагруженный информацией и чистыми, не замутненными никакими эмоциями теоретическими постулатами, работает четко и спокойно, в том темпе и том режиме, который наиболее ему удобен. Ведь не случайно, когда вы пришли к нам, отвлеклись от всего и успокоились, вам пришлось начать всю работу заново. Ведь признайтесь, в последнее время дома вы почти не спали?

— Верно, — удивленно протянул Мискарьянц. — Какой уж тут сон, когда сроки поджимают, начальство торопит, заказчики теребят, а у меня ничего не получается... И захочешь уснуть, а не получится.

— Вот видите. Спать нужно обязательно и по-много, иначе ни о каком продуктивном творчестве и речи быть не может. Пока вы бодрствуете, вы сами себя насиливаете, пытаетесь руководить собственным мыслительным процессом. А руководите вы им не всегда правильно. Только не каждый находит в себе силы в этом признаться. Что ж, голубчик, прощаюсь с вами до завтра и еще раз напоминаю: сон, сон, сон.

Выйдя из палаты, которую занимал Герман Мискарьянц, Александр Иннокентьевич зашел в комна-

ту, на двери которой красовалась табличка: «Лаборатория». В обычных больницах за дверью с таким названием занимаются тем, что исследуют взятые на анализ кровь, мочу, желудочный сок. В кризисном же отделении, которое возглавлял Александр Иннокентьевич Бороданков, в лаборатории сидели фармацевты.

— Кто готовит комплекс для восьмой палаты?

— Я.

Молодой парень лет двадцати пяти, крепкий, круглоголовый, с внимательными темно-серыми глазами, повернулся на своем крутящемся стуле и вежливо встал.

— Исключите из комплекса все успокоительные и снотворные препараты, — приказал врач. — Оставьте только лакреол и витамины.

— Хорошо, Александр Иннокентьевич.

От фармацевтов он вернулся в свой кабинет. Ольга сидела за его письменным столом и читала дневник наблюдений, который Бороданков вел на каждого пациента. На тетради, которая лежала перед Ольгой, была наклеена бумажка с надписью: «Палата 8. Мужчина, 30 лет, жалоб нет, хронические заболевания отрицает. Математик-программист».

Услышав, как открывается дверь, она обернулась и вопросительно посмотрела на мужа.

— Ну как там дела?

— Ничего нового, Олюшка. Ты же разносила ужин, все сама видела. Писатель дрыхнет без задних ног, как поступил к нам вчера, так и отсыпается с тех пор. Художница работает, света белого не видит. Ей нужно было по договору проиллюстрировать двадцать томов детской энциклопедии, она четыре тома сделала, и наступил кризис. Помнишь, она жаловалась, когда первый раз приходила, что ей хочется к каждому тому найти свое образное решение, свой стиль, а не получается. Рисовать же просто иллюстрации к тексту ей неинтересно. Сейчас она, по-моему, отоваривает по одному тому в день.

— А Мискарьянц?